

салитета и взаимных обязательств между сюзереном и вассалами.⁴⁵ Д. С. Лихачев ни в какой мере не вульгаризирует здесь литературу XI—XIII вв., не приписывает ей сознательного стремления использовать христианскую проповедь для осуществления классовых интересов, он специально оговаривается, что «в какой-то мере феодалы субъективно были уверены в своих идеях, считали свои идеи интересами всего народа». Речь идет именно об объективном смысле этих идей, о том, что «общехристианские идеи — „милосердия“, „любви к ближнему“, „нищелюбия“ — в условиях раннего феодализма и феодальной раздробленности были приближены к реальным потребностям феодалов».⁴⁶

Новая постановка вопроса о классовом характере древнерусской литературы в современном советском литературоведении была вызвана не только более глубоким пониманием основ исторического материализма. Если для марксистской науки в период ее становления было характерно прежде всего теоретическое переосмысление материала, собранного старыми филологами, то современная советская наука заново исследует с материалистических позиций самые памятники. Следствием этого является пересмотр целого ряда общих характеристик, созданных еще в старом литературоведении и лишь переведенных на «классовый» язык социологами начала XX в.

Так обстоит дело, например, с характеристикой «нестяжателей» и «иосифлян». Вопреки традиционной концепции старой историографии, изложенной В. А. Келтуялой в «социологической» форме, «иосифляне» вовсе не были дворянами, воспитанными на княжеской службе, а «нестяжатели» — противниками великокняжеской власти. Волоколамский игумен Иосиф в течение многих лет (до начала XVI в.) боролся с «царем-мучителем» Иваном III, а глава «нестяжателей» Вассиан Патрикеев стремился провести реформу монастырского землевладения с помощью своего покровителя — великого князя Василия III.

Говоря о социальном характере обоих направлений, советские исследователи разграничивают субъективные воззрения идеологов, интересы социальной среды, с которой они были непосредственно связаны, и объективный социальный смысл их литературных выступлений. Субъективно Иосиф Волоцкий и Вассиан Патрикеев считали себя прежде всего христианами, проповедующими идеи «божественных писаний», хотя понимали они эти идеи, как мы уже отмечали, различным образом. Связанный ближайшим образом со средой крупного черного духовенства, Иосиф Волоцкий в первую очередь защищал интересы этой прослойки класса феодалов, однако проповедь его имела и более широкое значение: в конце XV в., когда Иосиф призывал бороться со «злочестивыми царями», его слова отражали стремления сторонников гибнущего удельного строя; когда же волоколамский игумен, порвав с местными князьями, начал отстаивать «божественность» великокняжеской власти, он стал в глазах современников представителем иной социальной группы — «дворян великого князя». Для Вассиана Патрикеева, насильственно постриженного в монахи, наиболее близкой социальной средой было московское боярство, но против великокняжеской власти он никогда не выступал. Оппозиционное боярство в лице Курбского подхватило идеи Вассиана уже задним числом — в середине XVI в. Если же рассматривать воззрения Иосифа Волоцкого и Вассиана Патрикеева в наиболее широком плане, то следует видеть в них

⁴⁵ Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 79—80.

⁴⁶ Там же, стр. 82.